

Языковые особенности
древнейшего списка
Учительного евангелия
Константина
Пресвитера:
от восточнославянской
рукописи
к южнославянскому
архетипу*

Linguistic Features of
the Earliest Copy of
the Didactic Gospel
by Constantine the
Presbyteros:
From the East Slavic
Manuscript
to the South Slavic
Archetype

Роман Николаевич Кривко

Национальный исследовательский
университет “Высшая школа экономики” /
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия

Roman N. Krivko

National Research University Higher
School of Economics / Vinogradov
Russian Language Institute of
the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

В статье описываются языковые особенности древневосточнославянского списка Учительного евангелия Константина Пресвитера, позднее — епископа Славянского. Особое внимание обращается на восточнославянские фонетические инновации (“новый ять” и переход *e* в *o*), которые соседствуют с такими

* Статья подготовлена в ходе проведения исследования по проекту № 16-01-0092 в рамках Программы “Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)” в 2016–2017 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

графико-орфографическими архаизмами, как “этимологически корректное” употребление большого юса и ряд других особенностей, свойственных русско-церковнославянскому книжному узусу XI – начала XII в. В статье доказывается, что древневосточнославянская версия Учительного евангелия восходит к церковнославянской традиции юго-западных регионов Болгарского царства царя Самуила, при этом, судя по ряду южнославянских фонетических особенностей, отражённых в восточнославянском списке, ближайший фрагмент южнославянской традиции датируется концом X или, скорее, XI веком. Грамматические архаизмы, описанные в статье, восходят к оригинальному тексту Константина Пресвитера и поддерживают ранее сделанные выводы о происхождении Учительного евангелия в западных регионах Первого Болгарского царства, что, в свою очередь, подтверждает принадлежность этого текста к богослужебному “корпусу Климента”.

Ключевые слова

история церковнославянского языка, древний церковнославянский язык, древнерусский язык, история русского языка, “новый ять”, переход *e* в *o*, Учительное евангелие, Константин Пресвитер

Abstract

The article is dedicated to the linguistic features of the Didactic Gospel by Constantine the Presbyteros, who is also known as Constantine of Preslav or Constantine of Bregalnica. The earliest witness of the original text, which Constantine wrote down at the end of the 9th century in the First Bulgarian Kingdom, is the Old East Slavonic manuscript dating to the end of the 11th–beginning of the 12th centuries (this manuscript is sometimes dated to a later period). The manuscript is remarkable for its graphic and orthographic features characteristic only for the earliest Church Slavonic sources of East Slavonic provenance; these sources are dated to the 11th century or to the beginning of the 12th century. At the same time, the manuscript attests phonetic innovations caused by the initial stage of the loss of the *jer*-vowels, such as “new *jat*” and the change of *e* into *o*. On the basis of the earliest manifestations of the change of *e* into *o* in the written sources, the author argues that this phonetic change took place in the southern part of the East Slavonic area and first of all in the prefinal syllable before the final *jer* in the absolute weak position. Phonetic and orthographic peculiarities of the East Slavonic witness of the Didactic Gospel testify to the southwest Balkan provenance of its South Slavonic protograph, which must have been a Cyrillic one. (On the basis of lexical data, the southwest Balkan origin of Constantine’s archetype was argued by the author elsewhere.) From the point of view of verbal morphology, the earliest witness of the Didactic Gospel seems to be one of the most archaic East Slavonic manuscripts, which is particularly testified by a number of forms of the root aorist. Special attention is devoted to the construction called “relativer Attributivkonnex” (Ch. Koch). It was discovered by scholars in a number of South Slavonic sources or in East Slavonic manuscripts which go back to the South Slavonic tradition, and is to be observed in the Didactic Gospel, too.

Keywords

history of the Church Slavonic language, Old Church Slavonic, Old East Slavonic language, history of the Russian language, the new *jat*, the fall of *yers*, the

change of *e* into *o*, “relativer Attributivkonnex,” Didactic Gospel, Constantine the Presbyteros

Вступительные замечания

Статья продолжает серию наблюдений над древнейшим списком Учительного евангелия Константина Пресвитера (позднее — епископа Славянского) [Кривко 2014; IDEM 2015: 199–207; IDEM 2016A: 129–132], называемого в исследовательской литературе “Преславским”¹. Этот текст представляет собой один из блестящих образцов древней церковнославянской письменности эпохи Первого Болгарского царства. В 2012 году увидело свет критическое издание памятника, в основу которого положен древнейший свидетель текста, ближе всего находящийся к архетипу [VEDER 1999: 182; Тихова 2004], — восточнославянская рукопись *Син. 262* [НОМCONST 2012]. Исчерпывающая история изучения Учительного евангелия представлена в работах Э. Галлуччи [GALLUCCI 2000; ЕАДЕМ 2001A; ЕАДЕМ 2001B; ЕАДЕМ 2004; Славова 2015; Жикова 2015; Тюреноква 2015], для наших наблюдений принципиально важен её вывод об отсутствии в языке Учительного евангелия Константина Преславского сколько-нибудь заметного влияния Преславской книжной традиции². При этом установленные общие языковые особенности гимнографических текстов Константина Пресвитера и свт. Климента Охридского свидетельствуют о связи древнейшего славянского гимнографического корпуса с юго-западнобалканским (“древнезападноболгарским”, “древнемакедонским”) вариантом церковнославянской письменной традиции [Пичхадзе 2009; ЕАДЕМ 2011: 57–76; ЕАДЕМ 2011–2012; ЕАДЕМ 2014] (ср. иначе: [Йовчева 2014: 29–31]; см. затем: [Кривко 2016B: 223]). Эти выводы подтверждаются фонетическими, словообразовательными [IDEM 2016A: 129–132], лексическими, морфологическими и синтаксическими данными (см. подробно: [IDEM 2015: 199–207]), которые свидетельствуют об отражении в языке Учительного евангелия Константина юго-западнобалканских региональных особенностей. Соответственно, и древнейшая рукопись Учительного евангелия, и сам её текст, несомненно, заслуживают дальнейших разысканий и дискуссий.

¹ Ср. диапазон альтернативных именовании Константина (в русском переводе): “Константин Преславский”, “епископ Константин”, “Константин Болгарский”, “Константин Брегалнический” [КМЭ, 2: 438–440 (список литературы к статье “Константин Преславский”)]. Ср. новейшее исследование: [Пентковский 2015: 132–135] (об истории и обоснованности титула “Преславский” по отношению к Константину и о расположении его епископии в регионе “средней Брегалницы (Кочани — Штип)” [ивд.: 133]).

² “In UE la presenza dei cosiddetti preslavismi è estremamente ridotta” [GALLUCCI 2004: 98]. Ср. иначе: [Тихова 1995]; см. затем: [Кривко 2015: 196–198]

Графико-орфографические и фонетические особенности:
архаизмы и инновации

Древнейшая рукопись Учительного евангелия отличается многочисленными графико-орфографическими и фонетическими особенностями, которые восходят к разным пластам истории древней церковнославянской письменности и обусловлены как влиянием региональных особенностей древнего церковнославянского письменного узуса, так и воздействием со стороны диалектных идиомов разного происхождения. Палеографические данные позволяют датировать *Син. 262* концом XI – началом XII века [Уханова 2012] (см. там же историю вопроса). В пользу древности рукописи, которая иногда датируется второй половиной XII или даже рубежом XII – началом XIII века³, свидетельствует прежде всего её графика: рукопись *Син. 262* – одна из немногих в восточнославянской традиции, в которой употребляются все четыре юса [Уханова 2012: лхviii]. При этом в высшей степени показательно, что, хотя ни один из тринадцати писцов рукописи не использует все четыре знака для обозначения носовых гласных [ivid.], третий писец кодекса использует большой нейотированный юс “этимологически корректно” в большинстве случаев⁴: аналогичная картина представлена только в Новгородской псалтири на церах (текст псалтири на воске), Остромировом евангелии (1056/1057 гг.), Туровском евангелии и в рукописи 13 слов Григория Богослова [Живов 2017: 692]. Архаизирующая стратегия письма проявляется в ряде других особенностей. Передача праславянского сочетания **dj* первым писцом соответствует раннему восточноцерковнославянскому книжному узусу, который датируется не позднее начала XII в. [Идем 2006: 11–16]: написания с *жд* встречаются у первого писца 26 раз, тогда как формы с *ж* отмечены только в семи случаях [Тюренкова 2015: 13]. Рефлексы праславянских сочетаний **trt*, **tlt* у того же писца переданы в большинстве случаев также согласно южнославянскому узусу⁵. При передаче рефлексов праславянских сочетаний **telt*,

³ Из новейших исследований см.: [Мольков 2017].

⁴ “В общей сложности насчитывается 16 этимологически неправильных написаний – при том, что всего ж употребляется в почерке более 100 раз” [Тюренкова 2015: 18].

⁵ “В большинстве написаний рефлексов редуцированных с *r* редуцированный пишется после *p*, т. е. в соответствии со старославянским написанием: только так пишется корень -*дрьж*- (*дрьжава* За; *дрь/жимыла* 6d; *одрьжими* 11c; *дрь/жимъ* 14a), глаголы *свьршити* 4a и *възвьръгъ* 4d, существительное *срьдьце* 2a. Причастие *дрьзноувъ* 1 раз встретилось с редуцированным после плавного (11a) и 1 раз – с редуцированным перед плавным (*дрьзнѣ/въ* 10d). Корни *пръв*- и *мръ(т)*- встречаются в написании с редуцированными вокруг *p*, т. е. с отражением второго полногласия: *първьѣ/ю* 10d, *сърмръть* 6c; *оумъръши* 11c (при этом встретилось по 5 написаний «южнославянского» типа редуцированного после *p* в обоих корнях: *испърва* 4d; 5c; 5d; 6d; *първыи* 12b; *сърмръть* 6d, 10d; *сърмръти* 4a, 6d, 10d)” [Тюренкова 2015: 14].

**tert* первым и третьим писцами преобладает не только неполногласие, что естественно для древнерусского церковнославянского книжного узуса, но и южнославянская огласовка неполногласных форм с помощью *ѣ*⁶. Окончания существительных в тв. п. ед. ч. **ѣ*-основ у третьего писца выступает в большинстве случаев также в южнославянской форме⁷.

Несмотря на присутствие архаического южнославянского узуса, язык рукописи всё же не выглядит во всём однородным. Орфография и морфология источника отличается выразительными фонетическими инновациями. Так, при передаче праславянских сочетаний **dj* третий писец, этимологически корректно использующий большой юс, опирается преимущественно на младший восточнославянский узус (“восемь случаев написания *жд* [...] и 24 случая написания *жс*” [Тюренкова 2015: 23]), который, впрочем, известен уже в рукописях конца XI в. [Живов 2006: 15]. В отличие от первого писца, третий передаёт рефлексy **trt*, **tlt* неединообразно: в то время как рефлексy **tlt* передаются им в соответствии с южнославянскими образцами, формы, соответствующие праслав. **trt*, часто пишутся в соответствии с восточнославянской рефлексацией этих сочетаний [Тюренкова 2015: 24–26]. Восточно- и южнославянские варианты обозначения флексий тв. п. ед. ч. существительных **ѣ*-основы распределены у первого писца в равной мере⁸, в отличие от текста третьего писца, который при написании этой орфограммы следует преимущественно южнославянскому узусу (см. выше).

Падение *ѣ*, *ь* отражено у первого писца только в четырёх морфемах, что соответствует раннедревнерусскому книжному узусу, тогда как у третьего писца пропуск *ѣ*, *ь* регулярно отмечается в 11 корневых морфемах, а также в приставке *сѣ*- и особенно часто в суффиксе *-ьн-*

⁶ “В рефлексе **tert* буква *e* встретилась только 2 раза: *прѣвѣчнааго* 4d; *по средѣ* 6с [...] во всех остальных случаях используется буква *ѣ*: *прѣложе/ниѣ* 2a; *прѣложи* 2d; *по срѣдѣ* 3с [...] *потрѣбы* 8d; *трѣбоуеть* 7с и пр. (всего 18 примеров)” [Тюренкова 2015: 14]; “На месте сочетания *-tert-* лишь в 4 случаях пишется буква *e*: *прѣдѣстанемъ* 47a; *требуеть* 50d; *пренѣ/реть* 61с; *потребу* 64d; во всех остальных случаях употребляется *ѣ* (*прѣдѣтутьѣ* 58b; *прѣтрѣненѣ/нѣю* 15с; *потрѣ/боу* 65a; *посрѣде* 48b; *мрѣжоу* 56b; *дрѣвѣ* 158с и пр., всего 57 примеров)” [ивд.: 22]; “Написания *рѣ* в данной позиции характерны для рукописей древнейшего периода, когда ещё не установилась русская норма церковнославянской орфографии. Только такие написания представлены, например, в таких памятниках XI в., как Остр. ев. 1056–1057 гг., Сл. Гр. Бог., Чуд. пс.; они преобладают в первом почерке Арх. ев. 1092 г., тогда как во втором почерке, напротив, обычны написания *ре* при редких написаниях *рѣ*” [Успенский 2002: 173].

⁷ “Обнаружено 33 написания старославянских флексий (*дѣголь* 15с; *недоуголь* 15d; *оѣемь* 44a; *дѣомь* 57a, 60b и пр.) и 4 написания с *ѣ*, *ь*: *образьмь* 60b; *хѣзьмь* 160a; *оѣзьмь* 57a; *настырьмь* 56d)” [Тюренкова 2015: 31].

⁸ “В первом почерке [...] встретилось 5 старославянских флексий (*словомъ* 5b; *словомъ* 6a, 2a; *кѣстѣвомъ* 8a; *срѣдцемъ* 13d) и 5 написаний через *ѣ* и *ь* (*краткъмь* 6a; *костантинѣмь* 2a; *гласѣмь* 3с; *образьмь* 13b; *члѣкъсѣ/мь* 3с)” [Тюренкова 2015: 31].

[Тюренкова 2015: 27]. В третьем почерке отмечены два случая вокализации сильного *ѣ* (которые, впрочем, можно объяснить графической — или фонетической межслоговой? — ассимиляцией): “*ото многѣ 155с; отодѣ/хноутѣ 46b*” [Ibid.: 28]. В написании *п.лѣть* (о пяти хлебах евангельской притчи) *тае въ роужахъ оученичахъ раст.лахоу* (греч. нет) [НомConst 2012: 80с-d 21-1 (170)] ошибочное словоделение с согласованным местоимением ед. ч. ж. р. *та* и лишним, недописанным *е* в числовом значении, дублирующим предшествующее слово *п.лѣть*: *п.лѣть та е*.

Наиболее выразительной диалектной фонетической инновацией Учительного евангелия являются формы с “новым *ѣ*”, которые, наряду с двумя написаниями “нового *ѣ*” в Бычковско-Синайской псалтири конца XI – начала XII в., принадлежат к древнейшим примерам этой южнодревнерусской инновации [Кривко 2015: 51], см. также дополнительные примеры, найденные в этой же рукописи М. А. Тюренковой [2015: 23]: *глаголѣть, оугаснѣть* (третий почерк, с этимологически правильным употреблением большого юса!).

Если исходить из датировки рукописи концом XI или началом XII века, в пользу чего свидетельствуют её архаические графико-орфографические особенности, то следует признать, что древнейший список Учительного евангелия содержит самые ранние примеры письменной фиксации восточнославянского перехода *е* в *о*, начало которого традиционно датируется второй половиной XII в. [Соболевский 1907/2004: 59]. В написании *е* вместо *о* в окончаниях дат. п. мн. ч. прилагательных и причастий именного склонения мягкой разновидности можно было бы усмотреть морфологическую аналогию со стороны твёрдого подтипа [Ibid.: 59]:

приключѣшомѣс.а 79с 1–2 (168), не большомѣ инѣмѣ 80b 17 (169), сѣ/цомѣ 84d 4–5 (178), вълѣзѣшомѣ 85b 6 (179), приход.ацомѣ 89а 21 (187); ср. также въроуюцому 88 об. (186).

В южнославянских рукописях [Бобрик 2011: 59–60], в частности, уже в Боянском палимпсесте⁹ и Енинском апостоле¹⁰, встречаются сходные формы, что могло бы дать основания для объяснения написаний типа *приключѣшомѣс.а* южнославянским влиянием:

⁹ “Веќе во Боянскиот палимпсест [. . .] наоѓаме ваква многу илустративна форма: *въроужитому* која ни го покажува пренесувањето на алморфата на тврдата заменска промена *-ому* во позиција што порано ѝ припаѓала на меката промена” [Конески 1981: 55].

¹⁰ “[В] Ен. ап. то е единственото окончание за дат. пад. ед. ч.” [Иванова-Мирчева, Харалампиев 1999: 106].

тpоуждажцому сѧ [APOSTEN 1965: 1a (9)], *тѣко тѣлеса ваша цр҃квы ежцо* [. . .] *въ васѣ стѣому дѣоу естѣ* [Ibid.: 3a (17)], *тѣдѣцом[оу]* [Ibid.: 4a (21)], *могжцому* [Ibid.: 4б (23)], *сѣтворшомоу* [Ibid.: 25a (103)]¹¹.

Однако для многочисленных южнославянских данных важно именно то, что древнее сербское, македонское и болгарское изменение *e* в *o* отмечается только во флексии дат. п. ед. ч. м. и ср. р., чему в Учительном евангелии имеется только одно соответствие: *въгроующомоу*. Это указывает на морфологическую природу данного изменения на южнославянской почве и на его вторичный, заимствованный и книжный характер в восточнославянских источниках [Бобрик 2011: 59–60]. Что же касается написаний с *o* вместо ожидаемого *e* в перечисленных выше примерах из Учительного евангелия, то для них южнославянские параллели отсутствуют, как об этом свидетельствуют релевантные примеры в том же Енинском апостоле:

Гѣ повѣстѣ въ книгахѣ · людемѣ княземѣ симѣ бывшимъ /въ немѣ тѣко
веселящимѣ сѧ /въстѣмѣ [APOSTEN 1965: 27a (111)]; *плѣдѣ оустнамѣ ·*
исповѣдажцем сѧ имени его [Ibid.: 34a (139)].

Далее, если для форм типа *приключьшомѣсѧ* в Учительном евангелии морфологическое объяснение представляется возможным, то в написаниях *сѣвъ/ршонѣ* [НОМCONST 2012: 68с 19–20 (146)], *крѣ/щонѣ* [Ibid.: 86с 9–10 (182)], а также *жо/нѣ* [Ibid.: 81a (171)] (где *o* вместо ожидаемого *e* выступает в корневой морфеме!) усмотреть аналогическое воздействие невозможно. Менее выразительны написания *чоловѣчьскыи* [Ibid.: 211b (421)] и *а ежо отъиде* [Ibid.: 107с (224*)], которые могут свидетельствовать о графической ассимиляции букве гласного последующего слога.

Все рассмотренные выше примеры из Учительного евангелия были известны А. И. Соболевскому, который датировал эту рукопись (по его мнению, ростовского происхождения) XII–XIII вв. [СОБОЛЕВСКИЙ 1907/2004: 60] (см. также: [ГОРСКИЙ, НЕВОСТРУЕВ 1859: 434]). В древненовгородском диалекте изменение *e* в *o* документировано серединой XII в. [ЗАЛИЗНЯК 2004: 69–70], этим и более поздним временем датируются другие не книжные и книжные памятники, в которых отмечен переход *e* в *o*.

Во всех примерах древневосточнославянского перехода *e* в *o* за пределами новгородского ареала, которые во множестве приведены А. И. Соболевским по церковнославянским рукописям XII и XIII вв.

¹¹ Ср. интерпретацию аналогичных форм в русско-церковнославянских рукописях: “Подобные формы отмечаются уже в рукописях XI в., флексия *-ому* в этих примерах выглядит странной для эпохи до перехода [e] в [o] [. . .] Это явно результат перестройки флексии и последующего стяжения” [КУЗНЕЦОВ ЕТ АЛ. 2006: 241].

[Соболевский 1907/2004: 59–61]¹², рассматриваемое явление отмечается в двух позициях: во-первых, в окончаниях дат. п. ед. и мн. ч. прилагательных и причастий типа *-омоу* и *-омъ*, которые сам А. И. Соболевский считал возможным объяснять аналогическим воздействием со стороны местоименного склонения или со стороны твёрдой именной основы, во-вторых, во втором от конца слоге перед слабым ъ. В книжных рукописях новгородского происхождения, созданных до XIV в., случаи перехода *ь > е* в *о* отсутствуют, как отсутствуют примеры изменения *е* в *о* в абсолютном конце слова типа *шедшо*, *ащо* и т. п., фиксируемые в книжных памятниках новгородского происхождения не ранее XIV в. [ивид.: 61].

В отличие от южнодревнерусских рукописей, к которым относится Учительное евангелие, и памятников северо-восточного происхождения, которым, в частности, принадлежит Слово Ипполита об антихристе [Голыщенко 1969]¹³, в новгородских берестяных грамотах отражается иная картина перехода *е* в *о*. В северо-западном ареале это изменение было возможно в любой позиции уже в середине XII в.: “*жо* 847 (сер. XII), *ажо* 815 (3 четв. XII) [. . .] После других согласных: *Срокль* ‘заявилъ’ 724 (1161–67 гг.) [. . .] *Потру*, *тенота* Ст. Р. 30 (XII₂)” [Зализняк 2004: 69]. В книжных рукописях новгородско-псковского происхождения переход *е* в *о* отмечается с XIII в. [Соболевский 1907/2004: 61].

Судя по показаниям книжных памятников, созданных за пределами древненовгородского ареала, древнейший, морфологически необусловленный этап перехода *е* в *о* в южной и северо-восточной части восточнославянского ареала имел место прежде всего в позиции предпоследнего слога словоформы перед слабым ъ. Это позволяет рассматривать переход *е* в *о* в его начальной стадии как ауслутивный процесс, при котором утрата слоговости конечным гласным приводит к исчезновению слоговой границы, вследствие чего твёрдый согласный, предшествующий слабому конечному ъ, входит в состав предшествующего слога и вызывает “бемольную” аккомодацию гласного *е* и его переогласовку в *ѣ*. Данное объяснение позволяет отказаться от предположения о морфологической природе форм типа *сѣ/щомъ*, *вѣлѣзьшомъ*, в которых *е* изменяется в *о* в позиции перед ауслутивным ъ.

В свете сказанного следует ещё раз обратить внимание не только на упомянутые выше случаи употребления “нового *ѣ*” в Учительном евангелии, в Бычковско-Синайской псалтири конца XI – начала XII в. и

¹² В учебных и исследовательских работах, в которых затрагивается переход *е* в *о*, мне не удалось найти примеров, дополняющих материал А. И. Соболевского.

¹³ См. ещё раз примеры из рукописей и соответствующие комментарии: [Соболевский 1907/2004: 59–61].

в Суздальском змеевике начала XII в. [Гиппиус, Зализняк 1998], но и на форму *стюденьць* в той же псалтири [Кривко 2015: 63–67], а также на невозможные в южнославянских рукописях единичные случаи вокализации редуцированных в сильной позиции в сочетании с плавным в двух новгородских рукописях конца XI – начала XII в.: *жестосерьдыимъ* в служебной минее на сентябрь ок. 1095 г. и *немлочно* ‘немолчно’ (*ἀσιγητῶς*) в служебной минее на август [Туп. 125: 102 об.]¹⁴. Явления слоговой компенсации, межслогового взаимодействия и вокализации сильных редуцированных в сочетании с плавными позволяют датировать начало активной стадии падения редуцированных в древнерусском языке самым концом XI – началом XII века.

Решающим свидетельством в пользу лингвистической достоверности сделанных наблюдений являются выявленные А. А. Гиппиусом примеры вокализации редуцированных в сильной позиции при отсутствии примеров утраты слабых *ъ, ь* в записи Наслава в Мстиславовом евангелии 1103–1117 гг. [Гиппиус 2016]: *химинетъ* (от *χρημῆτός*, с вокализацией неэтимологического *ь*), *лждемъ, пришедъ, людемъ, честь* [Ibid.: 149–150]. Автор обращает внимание,

... что прояснение сильного *ь* происходит в записи Наслава на фоне последовательного сохранения редуцированных в слабой позиции [...] Хрестоматийным источником примеров [вокализации сильных редуцированных. – Р.К.] служит Добрилово евангелие 1164 г. Характерно, впрочем, что этот памятник одновременно свидетельствует о полной завершенности процесса в диалекте писца: последовательность, с которой он употребляет *о* и *е* в соответствии с сильными *ъ* и *ь*, приближается к 100% [...] Это заставляет относить начало прояснения сильных еров к значительно более раннему времени [Гиппиус 2016: 150].

Рассмотренный материал указывает на сосуществование в начале XII в. двух стратегий письма, которые по-разному воспринимали происходящие в восточнославянском ареале фонетические инновации, связанные с падением *ъ, ь* и с обусловленными этим процессом явлениями межслогового и внутрислогового взаимодействия. Архаичная орфография отдельных почерков Учительного евангелия и удревнение (начало XII в.) абсолютной датировки вокализации *ъ, ь*, а также связанных с падением еров явлений межслогового взаимодействия позволяет полагать, что в начале XII или даже в конце XI в. в южнодревнерусском ареале существовали идиомы с отражавшимся на письме переходом *е* в *о* в аудите перед слогом со слабым *ъ*. Тем самым получает обоснование суждение В. Кипарского (ср. также: [Шахматов 1915: 133–135]), который, опираясь

¹⁴ Подробно об обоих примерах см.: [Кривко 2015: 54–63].

на материалы А. И. Соболевского и на сравнительные славянские данные, датировал начало восточнославянского перехода *e* в *o* XI–XII вв. [KIPARSKY 1963: 109]¹⁵. В свете изложенного получает объяснение факт, что Учительное евангелие — единственная известная восточнославянская рукопись, в которой отражено этимологически корректное употребление большого юса, известное только в наиболее архаичных восточнославянских рукописях XI в. (не говоря о других графико-орфографических архаизмах), и такие инновации, как “новый *ѣ*” и переход *e* в *o*.

* * *

Древневосточнославянский список Учительного евангелия восходит к южнославянскому протографу юго-западнобалканского происхождения. Об этом свидетельствует неоднократно обсуждавшаяся флексия *-oi* (из *-ъjъ*) в местоименной адъективной форме им. п. ед. ч. м. р.: **кротъкои члѣвоколюбъць** (ἡμερος) [НомCONST 2012: 148b 6 (295)]. Аналогичные формы засвидетельствованы в церковнославянских рукописях древнезападноболгарского (македонского), древнесербского и среднемакедонского происхождения [Пичхадзе 2010: 552] (см. также статью Э. Црвенковской [2016] в настоящем выпуске журнала), они известны также в восточнославянских рукописях, которые восходят к южнославянским оригиналам юго-западнобалканского происхождения. Современные реликты этих форм отмечены в серско-лагодинской группе южномакедонских и юго-восточномакедонских говоров, а также в прилегающих к ним славянских диалектах на территории северной Греции (к северу от Фессалоник) и Горы — области на стыке юго-запада Метохии, северо-востока Албании и северо-запада Македонии [Кривко 2015: 177–193; IDEM 2016a: 138 (литература, примеры)]. К южнославянскому протографу восходит палатализация *з > ж* в позиции перед палатальным *вѣжлюбити* [НомCONST 2012: 13d 5–6 (36)], ср. *сѣблажнѣтъ* [APOSTEN 1965: 36 (19)], *сѣблажна/ѣ* [IBID.]. Этот протограф был, по всей вероятности, кириллическим: восточнославянская рукопись не содержит глаголических букв [VEDER 1999: 182; SCHAEKEN 2003: 323]¹⁶. Примечательно,

¹⁵ Ср. отсутствие перехода в *o* такого *e*, которое восходит к *ь*, в польском языке (“отдельные случаи перехода [e] из [ь] в [o] вызваны аналогией (ср. *wioska* из *вьська*)” [Бернштейн 2005: 279]) и нерегулярное изменение в *o* такого же *e* в лужицких языках. “Hieraus folgt, daß dieser Lautwandel [переход *e* в *o*] im Russischen noch lebendig und wirksam war, als das »starke« *ь* mit dem alten *e* zusammenfiel, während er im Polnischen lange vor diesem Zusammenfall zu wirken aufgehört hatte” [KIPARSKY 1963: 108]. Начало морфологически необусловленного изменения *e* в *o* в лехитских языках датируется пралехитским периодом [KLEMENSIEWICZ 1982: 18, 23].

¹⁶ О кириллической литургической традиции охридско-преспанского региона, созданной в конце X в. при участии преславских книжников, см.: [Пентковский 2014: 59].

что в Азбучной молитве, которой открывается основной текст Учительного евангелия, на своей алфавитной позиции в акростихе использована буква \mathfrak{Z} “зело”¹⁷, редкая в восточнославянской письменности в нечисловом значении до второго южнославянского влияния. Буква \mathfrak{Z} Азбучной молитвы восходит в конечном итоге к её глаголическому архетипу, в котором несомненно находилась буква \mathfrak{Z} (\mathfrak{Z}), однако наличие в восточнославянской рукописи именно кириллической \mathfrak{Z} свидетельствует о южнославянской кириллической, а не глаголической рукописи как ближайшем источнике восточнославянской части традиции [Кривко 2016а: 15, прим. 27].

Написание *милостыню глаголю · и чистота тѣлѣси* [НомConst 2012: 128b 19 (255)] отражает южнославянскую мену юсов. Менее надёжна форма *щедлице* (из **skęd-*) [Ibid.: 138d 11–12 (276)], в которой написание *e* в первом слого, скорее всего, представляет собой антиципацию *щe* в последнем слого, а не уникальный пример влияния южнославянского диалекта с деназализацией *ę* в *e*. Рукопись *Син. 262* отражает также восточнославянское звено традиции текста: об этом свидетельствуют написание *всемѣ миру* [НомConst 2012: 52b 15 (113)] — ср. [Ibid.: *свѣтъ миру* 52b 3 (113)], *дръзновѣша* [Ibid.: 52c 9 (114)], — которое восходит к форме с большим юсом *ѣ*, заменённым на *ю*, причём этот *ѣ* был использован в этимологически некорректной позиции в качестве эквивалента *оу* (что само по себе возможно также в древнесербской традиции).

Грамматические особенности

Ещё прот. Александр Горский и К. И. Невоструев обращали внимание на многочисленные случаи аналогического воздействия существительных основы на **й*-краткий на склонение **ѡ*-основы: “37. *слѣпцѣви*, 81. *народови*, 96. *братови*, и др.” [Горский, Невоструев 1859: 429], сюда же относятся формы “*члѣкѡви* 7с, *гѡви* 47а [. . .] *крѣстителиви* 57д, *ножѣви* 59а, *правѣдникови* 161с и пр.” [Тюреноква 2015: 32]. Отмечено и обратное воздействие: “род. п. ед. ч. [. . .] *сѣна* (5с, 53а и пр.), форма местн. п. ед. ч. — как *сѣнѣ* (4с, 4д, 5д), форма зв. п. ед. ч. — *сѣе* (2с) [. . .] *чиною* 7а (дат. п. ед. ч.)” [Ibid.]¹⁸. Неясно, в какой мере эти явления отражают собственно

¹⁷ “. . . the copyist did not neglect the difference between the two graphemes at the most crucial points: verse 2:8 begins with *зѣло* and the next one with *законѣ*” [СНАЕКЕН 2003: 323].

¹⁸ Ср. о третьем почерке: “Форма дат. п. [слова *сынѣ*] встретила нам 2 раза: 1 раз с исконным окончанием (*сынови* 54b) и 1 раз — с окончанием **о*-склонения (*сѣюу* 3а). Последний пример, как кажется, мог быть обусловлен контекстом, а именно — употреблением в составе устоявшейся церковной формулы в соседстве с существительными и прилагательными, «законно» имеющими флексию *-оу*: *оѡу сѣюу* и *прѣ/стоуоу/моу дѣюу* 3а. В свободном контексте наблюдаем исконное

восточнославянские процессы: судя по многочисленным фиксациям флексий аналогического происхождения у существительных *й- и *ѡ-основ в рукописях старославянского корпуса [DIELS 1932: 156–158], перед нами — отражение праславянской инновации, которая в зависимости от семантики, происхождения и просодических особенностей слова могла по-разному реализоваться в разных регионах славянского ареала. Что касается формообразования прилагательных, то в литературе уже обращалось внимание на местоименную форму вин. п. ед. ч. ж. р. *въ жизнь вѣчьною* 169а (337) [Кузнецов et al. 2006: 147], которая отражает синкретизм членных форм тв. п. ед. ч. ж. р. [Ibid.: 96–98, 146–148] праславянского происхождения и южнославянские параллели которой — в пределах старославянского корпуса — отмечены пока только в Клоцовом сборнике [DIELS 1932: 195].

В соответствии с правилами образования компаратива у прилагательных акцентной парадигмы *b* с суффиксом *-ѣk-* образована форма сравнительной степени от прилагательного *кротѣкъ*: *кротѣи* (ἡμερώτερος) [НомCONST 2012: 98а 19 (205)], *что боудеть кротѣк сего* (греч. нет) [Ibid.: 120а 18–19 (239)]. Только такие формы засвидетельствованы в восточнославянских рукописях, содержащих переводные тексты как южно-, так и восточнославянского происхождения [Кузнецов et al. 2006: 320]. Напротив, памятники старославянского корпуса фиксируют только формы типа *крот(ѣ)чаи* и только в древневосточноболгарской Супрасльской рукописи: “КРОТЪКЪ [. . .] КРОТЧАИ Supr. 383, 25, asg. f. КРОТЧБИШЖ Supr. 484.8” [DIELS 1932: 201], форма *кротѣчаи* отмечена также в Изборнике 1073 г. [Кузнецов et al. 2006: 393], восходящем к древневосточноболгарскому оригиналу, в рукописи 13 слов Григория Богослова и в Ефремовской Кормчей [Ibid.: 394]. Как кажется, в отношении вариантов *кротѣи* — *кротѣчаи* просматривается следующая тенденция: если для древневосточноболгарской Супрасльской рукописи и для восходящего к древневосточноболгарскому архетипу Изборника 1073 г. характерно употребление форм типа *кротѣчаи*, то древние восточнославянские памятники, связанные с другими традициями, демонстрируют вариативность с заметным доминированием форм типа *кротѣи*. В отличие от вариантных форм компаратива *кротѣи* / *кротѣчаи*, употребление форм сравнительной степени прилагательного *лють* соотносится с региональными традициями не удаётся. В Учительном евангелии находим *хрѡми · и слѣпи · доушею ѡже зѣло люще жсть врьда тѣлесь нааго* (χαλεπώτερον) [НомCONST 2012: 114b 20 (227)]. В отличие от Учительного евангелия, Супрасльская рукопись фиксирует только *лють-*,

окончание: *не подобает послуша/ти родитель то/же и оцѣ сѣви и мѣи дѣщери 54b*” [ТЮРЕНКОВА 2015: 32].

в соответствии с акцентной парадигмой *b* [Кузнецов et al. 2006: 321 (литература)], то же — в Изборнике 1073 г. Обе основы возможны в Словах Григория Богослова, только *люци-* — в Златоструе и в Беседах Григория Двоеслова [Ibid.: 322]. Праславянскую инновацию — “обобщение суффиксального *ъ* в основах с исходом на шипящие и парные мягкие согласные” [Ibid.: 287] — отражают компаративные формы *кыла бо запо-вѣди бѣдѣтъ лѣжайша сихъ · что бо лѣжѣе постѣтитѣ болѣщаго · ли присѣтитѣ сѣщаго въ тѣмници · что лѣжѣе стѣдены воды подати · что лѣжѣе* [. . .] [НомConst 2012: 215а 10 (429)].

В области именного словообразования обращают на себя внимание отглагольные безаффиксные имена существительные со значением имени действия:

прослаче отъпоуста грѣховъ нашихъ [НомConst 2012: 77а 17–18 (163)]; 217. *казъ лица* (искажение), 240. *роугъ*, но об. *роуганьке* [Горский, Невострев 1859: 431]; 19. *поимы творлахоу* (обвиняли, тоже см. и 54. 89. 108. 169 об.) [Ibid.: 432].

Этот способ словообразования свойствен древнейшей церковнославянской традиции Первого Болгарского царства, он описан на материале ранних оригинальных и переводных гимнографических текстов [Пичхадзе 2009: 301] и сочинений Иоанна, экзарха Болгарского [Sadnik 1979/1991]. В младших версиях служебных миней безаффиксные существительные регулярно меняются на аффиксные образования [Пичхадзе 2009: 301; Йовчева 2014: 126–127, 129, 133–134]¹⁹.

Здесь следует ещё раз обратить внимание на относительно редкую форму *instrumentalis qualitatis* [Веѣсрка 1993: 119–120, 189 (природа явления, обоснование термина, примеры)] *дѣвоуѣ*, которая засвидетельствована один раз в младшем списке (XV–XVI вв.) Учительного евангелия *Тр. 103*, в Слове о блудном сыне, которое восходит к архетипу сборника: *приведѣте телець* [. . .] *бывши дѣвою ѿ дѣвы* [Спасова 2004: 344]. *Instrumentalis qualitatis* в лексикализованной форме *дѣвоуѣ* (*дѣвою*) многократно засвидетельствован в переводных гимнографических текстах древних редакций и текстах, связанных с кирилло-мефодиевской традицией [Кривко 2007: 243–247; Идем 2011: 719]. Полагаем, что влиянием неизменяемой лексикализованной формы “творительного качества” (*instrumentalis qualitatis*) объясняется употребление формы *дѣвоуѣ* (*дѣвою*) в

¹⁹ Сами по себе безаффиксные образования не являются характерной приметой какой-либо одной региональной или временной традиции, в связи с чем мы находим такие формы, например, в среднеболгарском переводе гомилий аввы Дорофея: “*посмѣхъ, -а м (1) παίγμων* игрушка, марионетка; прен. — забавление, шег, посмешище: *ѡкааннаго ѡного тѣчид ѡбрѣташе себе съставляѣща и не имѣща ѿ кого застѣленїа. и имѣше его въ посмѣхъ (παίγμων)* [. . .] (230а)” [Димитров 2010: 251].

предикативной функции²⁰: *раждають дѣа* (вар. XIII и XIV вв.: *дѣага*) и *дѣвою пребываетъ* (τίχτει ἡ πάρθενος καὶ μένει πάρθενος) [НомCONST 2012: 176b 18 (351)].

Упомянутая в последней цитате форма *дѣага* сама по себе является архаизмом, который традиционно рассматривался как древняя членная форма имени **děva* (от **dojiti*), свойственная древнейшей церковнославянской традиции и в качестве реликтовых форм фиксируемая в памятниках старорусского периода [Кривко 2011: 719–721 (литература)]. Кроме уже указанного примера, в Учительном евангелии отмечены ещё три случая её употребления: *дѣага* [НомCONST 2012: 176a 9 (351), 176d 9–10 (352)], *дѣа.а* [Ibid.: 180a 12 (359)].

Учительное евангелие содержит выразительный пример “релятивного атрибутивного сочетания” [Косн 2015] – конструкции, которая представляет собой “сложение предложно-именной” или, в нашем случае, именной “формы существительного с местоимением” [Кузнецов et al. 2006: 83]: *видиши его* [. . .] *гѣа вѣщающъ евъглыстыи* (греч. нет, варианты XIII и XIV вв.: *ѡѡнглыста, ѡѡгалыста*) [НомCONST 2012: 86b 9–10 (181)]. Форма *евъглыстыи* представляет собой результат переосмысления исконной конструкции *евангелыстаи*, в ходе которого именная генитивная флексия *-а* древнего сочетания была заменена адъективной номинативной флексией *-ы*, закономерной в позиции перед членным формантом (относительным местоимением) *-и* [Косн 2015: 125]. Аналогичные образования, отражающие исконную “недифференцированность существительного и прилагательного”, известны в других восточнославянских рукописях [Крысько 2015: 27], содержащих церковнославянские переводы эпохи Первого Болгарского царства.

Менее ясна форма *всакъ безумъ сиць соуетьнъ* (πᾶς ἄφρων τοιοῦτος καὶ μάταιος) [НомCONST 2012: 167d (334)]. С одной стороны, структура адъективного образования *безоумъ* сопоставима с конструкциями типа *бездъныи*²¹ или *безводага* [Косн 2015: 133–135], с тем отличием, что в *безоумъ* отсутствует членный формант *-и*. Форма *безоумъ*, сопоставимая с *бездъныи* и *безводага*, отмечена в лексикографии:

²⁰ Синтаксическая функция позволяет рассматривать форму *дѣвоѡъ* (*дѣвою*) только как творительный предикативный. В истории древней церковнославянской письменности творительный предикативный считается особенностью преславских текстов [Moser 1994], известен он, однако, и в гимнографических текстах древних редакций, где, впрочем, примеры его употребления ограничиваются формами *дѣвоѡъ* и *дѣвицеѡъ* [Кривко 2007: 247].

²¹ “Das adj. *бездъныи* [. . .] entstand durch Umdeutung des Ausgangs *-ага* von *бездънага*, in dem *-а-* auf dem Ausgang **-а* < **-о-ад* des gen. sg. der Fortsetzung der uridg. *о*-Stämme beruht, zum Ausgang *-ага* des nom. sg. f. des det. adj. (Тур *новая*)” [Косн 2015: 134].

Das Prager Wörterbuch erklärt ansonsten vergleichbares *безоумъ* in den kyrillomethodianischen Übersetzungen zugerechnetem *мѣжь безоумъ* Grig., Prov. 17, 18, gr. ἀνὴρ ἄφρων, daher als Verderbnis von *безоумль* [. . .] Bildungen des Typs begegnen in der nachaksl. Überlieferung seit *безбогъ* in *аште и не мьнить сѧ безъбѣмъ* Greg. Naz. 10c 12f., gr. καὶ μὴ δοκῆ τοῖς ἀθεοῖς. Ihre Existenz in kyrillomethodianischer Zeit ist daher nicht verlässlich auszuschließen [Kocn 2015: 131].

С другой стороны, имена собственные типа *Бездѣдъ*, *Безуи*, *Безнѣгъ* и прилагательные типа *безногий*, *безрукий*, построенные по модели “без- + корень + флексия”, позволяют рассматривать происхождение формы *безоумъ* без допущения фазы *без-ума-и*.

С точки зрения глагольной морфологии рассматриваемая рукопись Учительного евангелия является одним из архаичных памятников древневосточнославянской письменности. Об этом свидетельствуют относительно многочисленные формы простого аориста и архаичные формы древнего сигматического аориста, перечисленные и опубликованные ранее [Кривко 2015: 203–204]²². К этим примерам относятся также выявленные М. Спасовой [2004: 349] две формы простого аориста в русском списке Поучения о блудном сыне *Тр. 103*, приписываемого Константину Пресвитеру и не вошедшего в состав древнейшего списка Учительного евангелия: *навѣкъ дръжати навѣкъ* [. . .] *страдати*. Пока не имеет объяснения редкая неизменяемая безличная глагольная форма *бытоу* (или *бытѣ*) [НомCONST 2012: 43c, 43d, 61c; Тюренкова 2015: 39], которая употребляется в соответствии с греческим инфинитивом в составе конструкции *infinitivus cum accusativo*: *да не мьнѣть же ино чьто бытѣ* — ἵνα οὐκ ἂν μὴ νομίσωσι καινοτομίαν εἶναι ‘чтобы они не думали, что это новшество’ [Ibid.: 43c (96)], *тако и юже бытѣ бѣ излагаю* (3 л. мн. ч.) — οὕτω καὶ τὸ εἶναι θεὸν ἐχβάλλουσι ‘так они [еретики] отбрасывают и то,

²² См. наиболее полный свод примеров употребления простого аориста в восточнославянских памятниках: [Мольков 2017]; кроме Учительного евангелия, приводятся примеры из Ильиной книги, Путятиной минеи, Сказания церковного, Пандектов Антиоха, 13 слов Григория Богослова, Паренесиса Ефрема Сирина, Евгениевской псалтири, Изборника 1073 г., Чудовской псалтири, Архангельского евангелия, Погодинского евангелия XI в., Типографского евангелия (*Тит. 1*), Пантелеймонова евангелия конца XII в., апокрифического Никодимова евангелия, Полоцкого евангелия XII–XIII вв., Успенского сборника, Пролога, Хроники Георгия Амартола, Толстовской псалтири, Захарьинского паримийника (“всего более 230 форм”). Данные Г. А. Молькова [2017] позволяют судить, что чаще всего простой аорист сохраняется в тех восточнославянских рукописях, которые восходят к древней юго-западнобалканской (“древнезападноболгарской”) традиции. В связи с этим невозможно согласиться с утверждением, “че асигматичната аористна парадигма (извън 2/3 л. ед. ч.) е рядко срещана и нетипична за Учительното евангелие. А това още веднъж обвързва този паметник със Супрасълския сборник, в който има само 1 пример за прост аорист *идъ*” [Славова 2015: 135]. Количество форм простого аориста в древневосточнославянском списке Учительного евангелия явно превышает таковое в древневосточноболгарской Супрасълской рукописи.

что такое Бог' [ИВІД.: 43d (96)], *да пренъритъ послушнѣика · нелицемѣрна · сѣдью бытоу глѣмъихъ* — ἵνα πείσῃ τὸν ἀκροατὴν γενέσθαι τῶν λεγομένων 'чтобы ты согласился стать слушателем сказанного' [ИВІД.: 61c (132)]. Независимо от этимологической природы формы *бытоу* (или *бытѣ*), она, вне всякого сомнения, восходит к древнейшему языковому пласту церковнославянской традиции²³.

Заключение

Древнейший список Учительного евангелия Константина Пресвитера содержит несколько языковых пластов, каждый из которых отражает разные этапы трансмиссии текста. К младшему пласту относятся древневосточнославянские фонетические инновации — “новый *ѣ*” и переход *е* в *о* в предпоследнем слоге словоформы перед слогом со слабым редуцированным. При этом если для ранней датировки развития “нового *ѣ*” имеется прецедент в виде аналогичных форм Бычковско-Синайской псалтири XI–XII вв., то переход *е* в *о* в других рукописях конца XI – начала (или первой трети) XII в. ещё не был зафиксирован, хотя В. Кипарский и считал возможным датировать начало восточнославянского изменения *е* в *о* рубежом XI–XII вв. В поддержку удревнения традиционной датировки этого фонетического процесса (в соответствии с позицией В. Кипарского) свидетельствуют, в частности, открытые А. А. Гиппиусом бесспорные случаи вокализации сильных редуцированных в записи Наслава к Мстиславу евангелию 1103–1117 гг., сопровождающиеся в той же записи абсолютно последовательным сохранением редуцированных в слабой позиции. Это служит ещё одним подтверждением ранее высказывавшейся точки зрения, что начальная фаза падения редуцированных состояла в утрате слабыми *ѣ*, *ь* их слоговости, что могло приводить к развитию компенсационных явлений в предшествующем слоге — вокализации сильных *ѣ*, *ь* и развитию “нового *ѣ*” и *о*-напряжённого — и к смещению слоговой границы, способствовавшему аккомодации переднего гласного *е* предшествующему твёрдому согласному с последующим изменением этого *е* в *о*.

²³ См. более подробно: “Три употреби *бытоу* се откриват и в Словото за Рождество Христово (Oratio XXXVIII, л. 147β–162β) от сборника с тринадесет слова на Григорий Богослов по най-ранния руски препис от XI в. [. . .] Словото съдържа редица морфосинтактични и лексикални архаизми, следва Кирило-Методиевата писмена практика и показва много ранна езикова кодификация на граница между деветото и десетото столетие [. . .] Десети пример с инфинитив *бытоу* е налице и в Устюжката кръмчя (руски препис от края на XIII в., РГБ, ф. 250, № 230) [. . .] Информация за тези «странни» инфинитивни форми липсва в [. . .] граматика [. . .] При това вероятно става въпрос за граматически архаизъм, свързан с ранна Кирило-Методиева писмена практика” [Славова 2015: 130–131 (см. там же примери и паралели)].

Решающим фактором ранней датировки древнейшего восточнославянского списка Учительного евангелия являются его графико-орфографические архаизмы, описанные на материале первого и третьего по черков. Наиболее выразительным из них является регулярное “этимологически правильное” употребление большого юса третьим писцом, известное только в Новгородской псалтири, Туровском евангелии, Остромировом евангелии и рукописи 13 слов Григория Богослова, а также обозначение рефлексов сочетаний гласных с плавными и сочетания **dj* в соответствии с южнославянским, или, что в данном случае то же самое, раннедревнерусским книжным узусом не позднее начала XII в. В восточнославянской традиции не известны другие памятники, которые сочетали бы упомянутые фонетические инновации и графико-орфографические архаизмы.

Судя по отсутствию глаголических букв и по единичному употреблению кириллической буквы *Ѹ* в соответствующем акрониме Азбучной молитвы, протограф древневосточнославянской рукописи был, скорее всего, кириллическим. Написания *ю* в соответствии с ожидаемым “этимологическим” *ou* свидетельствуют, на наш взгляд, о влиянии такого протографа, в котором на месте этого *ou* находились *ѣ* или *ѣ*, употреблённые “этимологически некорректно”, в соответствии с деназализацией *o*, и транслитерированные в *ю*.

В рукописи отмечено единичное написание, которое отражает смешение носовых гласных. В пользу юго-западнобалканского происхождения ближайшего к древнерусскому источнику южнославянского протографа свидетельствуют окончания членных адъективных форм на *-oi*. Обращает на себя внимание регулярное сохранение *l* epentheticum, свойственное как восточнославянской, так и древней юго-западнобалканской традиции. Следов влияния древневосточноболгарского узуса в Учительном евангелии нет. Таким образом, восточнославянская традиция Учительного евангелия Константина Пресвитера восходит к кириллической традиции Западно-Болгарского царства Самуила конца X – начала XI века.

Архаизмы именной и глагольной морфологии свидетельствует об отсутствии последовательного редактирования Учительного евангелия как у южных славян, так и на Руси (древневосточноболгарская Супрасльская рукопись, содержащая младшие, “преславские”, редакции текстов, в отношении глагольной и рассмотренных особенностей именной морфологии “моложе” Учительного евангелия в его древневосточнославянской версии) и восходят к авторскому тексту, который принадлежит к древнейшему пласту южнославянской церковной письменности Первого Болгарского царства. Грамматические архаизмы Учительного

евангелия согласуются со сделанными ранее наблюдениями о языке этого текста и тем самым свидетельствуют о его создании в юго-западнoбалканском славянском ареале в одно время с древнейшими гимнографическими текстами свт. Климента и Константина Пресвитера, что подтверждает принадлежность Учительного евангелия к обширному литургическому “корпусу Климента”.

Библиография

Рукописи

Син. 262

Государственный исторический музей (Москва), Синодальное собрание, № 262, Учительное евангелие Константина, кон. XI – нач. XII в.; критическое издание с данным списком в основе: [НомConst 2012].

Тип. 1

Российский государственный архив древних актов (Москва), ф. 381 (Тип.), № 1, Типографское евангелие, XII в.

Тип. 125

Российский государственный архив древних актов (Москва), ф. 381 (Тип.), № 125, Служебная минея, XI–XII в.

Тр. 103

Российская государственная библиотека (Москва), ф. 304/1 (Главное собрание Троице-Сергиевой лавры), № 103, Учительное евангелие, XV–XVI вв.

Издания

АpostEN 1965

МИРЧЕВ К., Кодов Х., изд., *Енински апостол*, София, 1965.

НомConst 2012

ТИХОВА М., изд., *Старобългарското Учително евангелие на Константин Преславски* (= Monumenta linguae slavicae dialecti veteris, 58), Freiburg i. Br., 2012.

Литература

БЕРНШТЕЙН 2005

БЕРНШТЕЙН С. Б., *Сравнительная грамматика славянских языков*, 2-е изд., Москва, 2005.

БОБРИК 2011

БОБРИК М. А., “Толковый Апостол в Великих Четвх Минеях: два списка – две редакции”, в: А. М. Молдован, Е. А. Мишина, ред., *Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2010–2011*, Москва, 2011, 52–102.

ГИППИУС 2016

ГИППИУС А. А., “Химипетъ Мстиславова евангелия и падение редуцированных”, *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 9 (= История русского языка и культуры. Памяти Виктора Марковича Живова), 2016, 147–155.

ГИППИУС, ЗАЛИЗНЯК 1998

ГИППИУС А. А., ЗАЛИЗНЯК А. А., “О надписях на Суздальском змеевике”, в: *Балто-славянские исследования. 1997*, Москва, 1998, 540–562.

Голыщенко 1969

Голыщенко В. С., “Замечания к изданному тексту «Слова Ипполита»”, в: *Изучение русского языка и источниковедение. 1969*, Москва, 1969, 80–92.

ГОРСКИЙ, НЕВОСТРУЕВ 1859

ГОРСКИЙ А., НЕВОСТРУЕВ К., *Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, 2: Писания св. отцев*, Москва, 1859.

ДИМИТРОВ 2010

ДИМИТРОВ К., *Речник-индекс на словата на Авва Доротеј (по ръкопис 1054 от сбирката на М. П. Погодин)*, Велико Търново, 2010.

ЖИВОВ 2006

ЖИВОВ В. М., *Восточнославянское правописание XI–XIII века*, Москва, 2006.

— 2017

ЖИВОВ В. М., *История языка русской письменности, 1*, Москва, 2017.

ЖИКОВА 2015

ЖИКОВА Ж. В., “Учително евангелие на Константин Преславски – предварителни лексикални наблюдения”, в: А.-М. ТОТОМАНОВА, Д. АТАНАСОВА, ред., *Кирило-методиевски чтения 2015. Юбилеен сборник*, София, 2015, 150–156.

ЗАЛИЗНЯК 2004

ЗАЛИЗНЯК А. А., *Древненовгородский диалект, 2-е изд.*, Москва, 2004.

ИВАНОВА-МИРЧЕВА, ХАРАЛАМПИЕВ 1999

ИВАНОВА-МИРЧЕВА Д., ХАРАЛАМПИЕВ И., *История на българския език*, София, 1999.

ЙОВЧЕВА 2014

ЙОВЧЕВА М., *Старобългарският служебен миней*, София, 2014.

КМЭ, 1–4

Кирило-методиевска енциклопедия, 1–4, София, 1985–2003.

КОНЕСКИ 1981

КОНЕСКИ Б., *Историја на македонскиот јазик*, Скопје, 1981.

КРИВКО 2007

КРИВКО Р. Н., “Язык и текст древнейших славянских служебных Миней за август”, in: Н. РОТНЕ, D. CHRISTIANS, Hrsg., *Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit. Beiträge einer internationalen Tagung Bonn, 7.–10. Juni 2005* (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 117; Patristica Slavica, 15), Paderborn, München, Wien, Zürich, 2007, 236–270.

— 2011

КРИВКО Р. Н., “Перевод, парафраз и метр в древних славянских кондаках. II: Критика и реконструкция текстов”, *Revue des études slaves*, 82/4, 2011, 715–744.

— 2014

КРИВКО Р. Н., “Лингвистические заметки к «Учительному евангелию» и «Сказанию церковному»”, во: И. ВЕЛЕВ, ред., *Сборник на трудови од Меѓународниот научен собир “Кирилометодиевската традиција и македонско-руските духовни и културни врски” (Охрид, 3–4 октомври 2013)*, Скопје, 2014, 129–140.

— 2015

КРИВКО Р. Н., *Очерки языка древних церковнославянских рукописей*, Москва, 2015.

— 2016a

КРИВКО Р. Н., “Орфография рукописи как свидетель текстологической преемственности”, *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 9 (= История русского языка и культуры. Памяти Виктора Марковича Живова), 2016, 124–148.

— 2016b

Кривко Р. Н., “[Рец. на:] Йовчева М., *Старобългарският служебен миней*, София, 2014”, *Wiener Slavistisches Jahrbuch. Neue Folge*, 4, 2016, 221–240.

Крысько 2015

Крысько В. Б., “Основные особенности языка Ильиной книги”, в: *Ильина книга (XI в.): Исследования, указатели*, Москва, 2015, 17–37.

Кузнецов et al. 2006

Кузнецов А. М., Иорданиди С. И., Крысько В. Б., *Прилагательные* (= Историческая грамматика русского языка, 3), Москва, 2006.

Мольков 2017

Мольков Г. А., “Простой аорист в древнерусской письменности”, *Русский язык в научном освещении*, 1 (33), 2017 (в печати).

Пентковский 2014

Пентковский А. М., “«Охрид на Руси»: древнерусские богослужебные книги как источник для реконструкции литургической традиции Охридско-Преспанского региона в X–XI столетиях”, во: И. Велев, ред., *Зборник на трудови од Меѓународниот научен собир “Кирилometодиевската традиција и македонско-руските духовни и културни врски” (Охрид, 3–4 октомври 2013)*, Скопје, 2014, 43–65.

— 2015

Пентковский А. М., “К истории славянского богослужения византийского обряда в начальный период (кон. IX – нач. X в.): Addenda et corrigenda”, *Богословские труды*, 46, 2015, 117–146.

Пичхадзе 2009

Пичхадзе А. А., “О языковых особенностях славянских служебных миней”, in: D. CHRISTIANS, D. STERN, V. S. TOMELLERI, Hrsg., *Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina. Festgabe für Hans Rothe zum 80. Geburtstag* (= Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe, 3), München, Berlin, 2009, 297–308.

— 2010

Пичхадзе А. А., “[Рец.:] Triodion und Pentekostarion. . .”, в: А. М. Молдован, Ю. А. КАГАРЛИЦКИЙ, ред., *Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2006–2009*, Москва, 2010, 546–553.

— 2011

Пичхадзе А. А., *Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект*, Москва, 2011.

— 2011–2012

Пичхадзе А. А., “Слав. *етерь*: к вопросу о группировке древнеславянских памятников”, *Scrinium*, 7–8 (= *Ars Christiana. Im memoriam Michail F. Murianov (21.XI.1928–6.VI.1995)*, 2), 2011–2012, 219–236.

— 2014

Пичхадзе А. А., “Термин *вздвиъ* в славянской письменности”, в: И. Велев, ред., *Кирилometодиевската традиција и македонско-руските духовни и културни врски: зборник на трудови од меѓународниот научен собир (организиран по повод 1150 години од Моравската мисија и од словенската писменост)*, Охрид, 3–4 октомври 2013, Скопје, 2014, 163–172.

Славова 2015

Славова Т., “Някои наблюдения върху глаголната система в Учителното евангелие на Константин Преславски”, в: А.-М. Тотоманова, Д. Атанасова, ред., *Кирилometодиевски чтения 2015. Юбилеен сборник*, София, 2015, 130–139.

СОБОЛЕВСКИЙ 1907/2004

СОБОЛЕВСКИЙ А. И., “Лекции по истории русского языка”, в: ИДЕМ, *Труды по истории русского языка*, предисл. и коммент. В. Б. Крысько, 1, Москва, 1–299 (вторая пагинация).

СПАСОВА 2004

СПАСОВА М., “Руски препис от ранния превод на поучението за блудния син и проблемът за състава на Учительно Евангелие на Константин Преславски”, *Славянский вестник*, 2, 2004, 339–359.

ТИХОВА 1995

ТИХОВА М., “За някои езикови особености в Учительното евангелие на Константин Преславски”, в: Т. ТОТЕВ, отг. ред., *1100 години Велики Преслав*, 2, Шумен, 1995, 313–333.

——— 2004

ТИХОВА М., “Учительно евангелие на Константин Преславски и неговите преписи”, в: *Преславска книжовна школа*, 7, Шумен, 2004, 123–155.

ТЮРЕНКОВА 2015

ТЮРЕНКОВА М. А., “Языковая вариативность и текстологическая стратификация раннедревнерусской рукописи: древнейший список Учительного евангелия Константина, епископа Славянского” (Выпускная квалификационная работа, Москва, НИУ “Высшая школа экономики”, 2015).

УСПЕНСКИЙ 2002

УСПЕНСКИЙ Б. А., *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*, Москва, 2002.

УХАНОВА 2012

УХАНОВА Е. В., “Описание рукописи ГИМ, Син. 262”, в: [*НомConst 2012: LV1–LXXVII*].

ЦРВЕНКОВСКА 2016

ЦРВЕНКОВСКА Е., “Првобитниот словенски комплекс на богослужбени книги по византиски обред («корпусот на Климент») и формирањето на македонската редакција на црковнословенскиот”, *Slověne*, 5/2, 2016, 198–230.

ШАХМАТОВ 1915

ШАХМАТОВ А. А., *Очерк древнейшего периода истории русского языка*, Петроград, 1915.

DIELS 1932

DIELS P., *Altkirchenslavische Grammatik*, Heidelberg, 1932.

GALLUCCI 2000

GALLUCCI E., “Per un’edizione critica dell’Učitel’noe Evangelie di Costantino di Preslav” (Tesi di dottorato, Roma 5 Maggio, 1–2, Roma, 2000).

——— 2001A

GALLUCCI E., “Учительное евангелие Константина Преславского (IX–X вв.) и последовательность воскресных евангельских чтений церковного года”, *Palaeobulgarica = Старобългаристика*, 25/1, 2001, 3–20.

——— 2001B

GALLUCCI E., “L’Učitel’noe Evangelie di Costantino di Preslav (IX–X). Tradizione testuale, redazioni, fonti greche,” *Europa Orientalis*, 20 (1), 2001, 49–138.

——— 2004

GALLUCCI E., “La lingua di Costantino di Preslav. Učitel’noe Evangelie: lingua e tecnica di traduzione,” *eSamizdat*, 2 (2), 2004, 97–120.

KIPARSKY 1963

KIPARSKY V., *Russische historische Grammatik*, 1, Heidelberg, 1963.

KLEMENSIEWICZ 1982

KLEMENSIEWICZ Z., *Historia języka polskiego*, Warszawa, 1982.

KOCH 2015

KOCH CH., "Weitere Weiterungen des relativen Attributivkonnexes," in: K. Дидди, ред., *ПОЛТИСТОР. Scripta slavica Mario Capaldo dicata*, Москва, Рим, 2015, 123–145.

MOSER 1994

MOSER M., *Der prädikative Instrumental: Aus der historischen Syntax des Nordostslavischen. Von den Anfängen bis zur petrinischen Epoche*, Frankfurt a. M., 1994.

SADNIK 1979/1991

SADNIK L., *Gesammelte Aufsätze zur slavischen Lexik und Semantik* (= Monumenta linguae slavicae dialecti veteris, 29), Freiburg i. Br., 1991.

SCHAEKEN 2003

SCHAEKEN J., "On the Transmission of the Language of the Prologue to the Gospel Homiliary by Constantine of Preslav," in: W. HONSELAAR ET AL., eds., *Time Flies. Festschrift for William Veder* (= Pegasus Oost-Europese Studies, 2), Amsterdam, 2003, 317–328.

VEČERKA 1993

VEČERKA R., *Altkirchenslavische (Altbulgarische) Syntax, 2: Die innere Satzstruktur* (= Monumenta linguae slavicae dialecti veteris, 24/27–2), Freiburg i. Br., 1993.

VEDER 1999

VEDER W. R., *Utrum in alterum abiturum erat? A Study of the Beginning of Text Transmission in Church Slavic*, Bloomington (IN), 1999.

References

Bernstein S., *Sravnitel'naiia grammatika slavianskikh iazykov*, 2nd ed., Moscow, 2005.

Bobrik M. A., "Tolkovyĭ Apostol v Velikikh Chet'ikh Mineiakh: dva spiska — dve redaktsii," in: A. M. Moldovan, E. A. Mishina, eds., *Lingvističeskoe istočnikovedenie i istoriia russkogo iazyka 2010–2011*, Moscow, 2011, 52–102.

Crvenkovska E., "The Primary Slavic Complex of Liturgical Books of the Byzantine Rite ("Clement's Corpus") and the Formation of the Macedonian Redaction of Church Slavonic," *Slověne*, 5/2, 2016, 198–230.

Diels P., *Altkirchenslavische Grammatik*, Heidelberg, 1932.

Dimitrov K., *Rechnik-indeks na slovata na Avva Dorotei (po rükopis 1054 ot sbirkata na M. P. Pogodin)*, Veliko Tarnovo, 2010.

Gallucci E., "The Lectionary of Constantine of Preslav (9th–10th C.) and the Order of the Sunday Gospel Readings of the Church Year," *Palaebulgarica*, 25/1, 2001, 3–20.

Gallucci E., "L'Učitel'noe Evangelie di Costantino di Preslav (IX–X). Tradizione testuale, redazioni, fonti greche," *Europa Orientalis*, 20 (1), 2001, 49–138.

Gallucci E., "La lingua di Costantino di Preslav. Učitel'noe Evangelie: lingua e tecnica di traduzione," *eSamizdat*, 2 (2), 2004, 97–120.

Gippius A. A., "Khimipetū of the Mstislav Gospels and the Jer-shift," *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 9, 2016, 147–155.

Gippius A. A., Zalizniak A. A., "O nadpsiakh na Suzdal'skom zmeevike," in: *Balto-slavianskie issledovaniia*. 1997, Moscow, 1998, 540–562.

Golyshenko V. S., "Zamechaniia k izdannomu tekstu 'Slova Ippolita'," in: *Izuchenie russkogo iazyka i istočnikovedenie*. 1969, Moscow, 1969, 80–92.

Ivanova-Mircheva D., Kharlampiev I., *Istoriia na bŭlgarskiia ezik*, Sofia, 1999.

Kiparsky V., *Russische historische Grammatik*, 1, Heidelberg, 1963.

Klemensiewicz Z., *Historia języka polskiego*, Warszawa, 1982.

Koch Ch., "Weitere Weiterungen des relativen Attributivkonnexes," in: C. Diddi, ed., *POLYISTOR. Scripta slavica Mario Capaldo dicata*, Moscow, Roma, 2015, 123–145.

Koneski B., *Istoriija na makedonskiot jazik*, Skopje, 1981.

Krivko R. N., "Iazyk i tekst drevneishikh slavianskikh sluzhebnykh Minei za avgust," in: H. Rothe, D. Christians, Hrsg., *Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit. Beiträge einer internationalen Tagung Bonn, 7.–10. Juni 2005*, Paderborn, München, Wien, Zürich, 2007, 236–270.

Krivko R. N., "Translation, Paraphrase and Metrics in Old Church Slavonic Kontakia, II: Textual Criticism and Reconstruction," *Revue des études slaves*, 82/4, 2011, 715–743.

Krivko R. N., "Lingvističeskie zametki k 'Učitel'nomu evangeliu' i 'Skazaniu tserkovnomu,'" in: I. Velev, ed., *Zbornik na trudovi od Meġunarodniot naučen sobir "Kirilometodievskata tradicija i makedonsko-ruskite duhovni i kulturni vrski"* (Ohrid, 3–4 oktombri 2013), Skopje, 2014, 129–140.

Krivko R. N., *Očerki iazyka drevnikh tserkovnoslavianskikh rukopisei*, Moscow, 2015.

Krivko R. N., "Orthography of a Written Source as Witness of Textual Transmission," *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 9, 2016, 124–148.

Krivko R. N., "[Rev.:] Starobŭlgarskiiat sluzheben minei by Mariya Yovcheva," *Wiener Slavistisches Jahrbuch. Neue Folge*, 4, 2016, 221–240.

Krysko V. B., "Osnovnye osobennosti iazyka Il'noi knigi," in: *Il'ina kniga (XI v.): Issledovaniia, ukazatel'i*, Moscow, 2015, 17–37.

Kuznecovs A. M., Jordanidi S. I., Krysko V. B., *Prilagatel'nye* (= Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka, 3), Moscow, 2006.

Mirčev K., Kodov Hr., *Eninski apostol*, Sofia, 1965.

Molkov G. A., "The Root Aorist in Old Russian Monuments," *Russkij jazyk v nauchnom osvешchenii (Russian Language and Linguistic Theory)*, 1 (33), 2017 (forthcoming).

Moser M., *Der prädikative Instrumental: Aus der historischen Syntax des Nordostslavischen. Von den Anfängen bis zur petrinischen Epoche*, Frankfurt a. M., 1994.

Pentkovskiy A. M., "Okhrid na Rusi": drevnoruskie bogoslužebnye knigi kak istochnik dlia rekonstrukcii liturgičeskoj tradicii okhridsko-prepanskogo regiona v X–XI stoletiakh," in: *Zbornik na trudovi od Meġunarodniot naučen sobir "Kirilometodievskata tradicija i makedonsko-ruskite duhovni i kulturni vrski"*, Skopje, 2014, 43–65.

Pentkovskiy A. M., "On the History of the Slavonic Worship of the Byzantine Rite in the Initial Period (Late 9th–Early 10th c.): Addenda et corrigenda," *Bogoslovskie trudy*, 46, 2015, 117–146.

Pichkhadze A. A., "O iazykovykh osobennostiakh slavianskikh sluzhebnykh minei," in: D. Christians, D. Stern, V. S. Tomelleri, Hrsg., *Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina. Festgabe für Hans Rothe zum 80. Geburtstag*, München, Berlin, 2009, 297–308.

Pichkhadze A. A., "[Rev.:] Triodion und Pentekostarion. . .," in: A. M. Moldovan, Yu. A. Kagarlitskiy, eds., *Lingvističeskoje istočnikovedenie i istoriia russkogo iazyka. 2006–2009*, Moscow, 2010, 546–553.

Pichkhadze A. A., *Perevodčeskaia deiatel'nost' v domongol'skoi rusi. Lingvističeskii aspekt*, Moscow, 2011.

Pichkhadze A. A., "Slav. Eterŭ: Towards a Linguistic Classification of Old Church Slavonic Written Sources," *Scrinium*, 7–8 (= *Ars Christiana*. Im memoriam Michail F. Murianov (21.XI.1928–6.VI.1995), 2), 2011–2012, 219–236.

Pichkhadze A. A., "Termin vŭzdvigŭ v slavianskoi pis'mennosti," in: *Zbornik na trudovi od Meġunarodniot naučen sobir "Kirilometodievskata tradicija i makedonsko-ruskite duhovni i kulturni vrski"*, Skopje, 2014, 163–171.

Sadnik L., *Gesammälte Aufsätze zur slavischen Lexik und Semantik* (= *Monumenta linguae slavicae dialecti veteris*, 29), Freiburg i. Br., 1991.

Schaeken J., "On the Transmission of the Language of the Prologue to the Gospel Homiliary by Constantine of Preslav," in: W. Honselaar et al., eds., *Time Flies. Festschrift für William Veder* (= *Pegasus Oost-Europese Studies*, 2), Amsterdam, 2003, 317–328.

Slavova T., "Niakoi nabliudeniia vŭrkh glagolnata sistema v Učitelnoto evangelie na Konstantin Preslavski," in: A.-M. Totomanova, D. Atanasova, eds., *Kirilo-metodievski čteniiia 2015. Iubileen sbornik*, Sofia, 2015, 130–139.

Spasova M., "Ruski prepis ot ranniia prevod na poučeniato za bliudniia sin i problemŭt za sŭstava na Učitelno Evangelie na Konstantin Preslavski," *Slavianskii vestnik*, 2, 2004, 339–359.

Tikhova M., "Za niakoi ezikovi osobenosti v Učitelnoto evangelie na Konstantin Preslavski," in: T. Totev, ed., *1100 godini Veliki Preslav*, 2, Shumen, 1995, 313–333.

Tikhova M., "Učitelno evangelie na Konstantin Preslavski i negovite prepisi," in: *Preslavska knižhovna shkola*, 7, Shumen, 2004, 123–155.

Tikhova M., *Starobŭlgarskoto Učitelno evangelie na Konstantin Preslavski* (= *Monumenta linguae slavicae dialecti veteris*, 58), Freiburg i. Br., 2012.

Ukhanova E. V., "Opisanie rukopisi GIM, Sin. 262," in: M. Tikhova, ed., *Starobŭlgarskoto Učitelno evangelie na Konstantin Preslavski* (= *Monumenta linguae slavicae dialecti veteris*, 58), Freiburg i. Br., 2012, lvi–lxxvii.

Uspenskij B. A., *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka (XI–XVII vv.)*, Moscow, 2002.

Večerka R., *Altkirchenslavische (Altbulgarische) Syntax, 2: Die innere Satzstruktur* (= *Monumenta linguae slavicae dialecti veteris*, 24/27–2), Freiburg i. Br., 1993.

Veder W. R., *Utrum in alterum abiturum erat? A Study of the Beginning of Text Transmission in Church Slavic*, Bloomington (IN), 1999.

Yovcheva M., *Starobŭlgarskiiat sluzheben minei*, Sofia, 2014.

Zalizniak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, 2nd ed., Moscow, 2004.

Zhikova Zh. V., "Učitelno evangelie na Konstantin Preslavski – predvaritelni leksikalni nabliudeniia," in: A.-M. Totomanova, D. Atanasova, eds., *Kirilo-metodievski čteniiia 2015. Iubileen sbornik*, Sofia, 2015, 150–156.

Zhivov V. M., *Vostochnoslavianskoe pravopisanie XI–XIII veka*, Moscow, 2006.

Zhivov V. M., *Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti*, 1, Moscow, 2017.

Acknowledgements

HSE Academic Fund Program, 2016–2017, Project No. 16-01-0092

Subsidy for the State Support of the National Research University “Higher School of Economics”

Роман Николаевич Кривко, канд. филол. наук
Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”,
доцент Школы лингвистики Факультета гуманитарных наук
105066 Москва, ул. Старая Басманная, 21/4
Россия/Russia
rkrivko@hse.ru

Received November 7, 2016